

Я есть начало, я есть время, я есть жизнь...

(Легенда, основанная на преданиях ханты и манси)

Когда я впервые пришел на это место, здесь не было ничего, кроме первозданной природы. Я долго искал то, что было утеряно много веков назад. Уже сам не помню, что это было, возможно, что-то темное и опасное. В то далекое время мир был наполнен страшными вещами, но я не верил в богов, не видел света.

Пробираясь между хвойными деревьями, периодически отдыхая у болот, вдалеке я увидел поляну с каркасными домами из столбов и балок. Позднее я узнал их название: это нор-колы. В сумке пересыпались ягоды, собранные по пути: брусника, черника, голубика... Вдруг из центрального домика мне навстречу выбежала девчонка, лет десяти отроду. Она промчалась мимо, не обратив на меня никакого внимания. За ней вереницей потянулись девушки, немногим старше ее, с тем самым выражением на лице, с каким обычно провожают покойников.

Пробираясь к домам, минуя оленьи стойбища, я поднял голову. Сквозь раскатыстые ветви ели и сосны виднелись золотые пятна, образуя собой новое солнце. На мгновение мне показалось, что я оказался в другом мире, волшебной стране, где живут вечно тоскующие люди.

Мне не было голодно, не хотелось пить, я жаждал лишь дойти до дома, который с каждым шагом все больше отдалялся. По ощущениям я прошел несколько полей и равнин, прежде чем поравнялся с нор-колом.

Неожиданно меня одолела тоска: я не понимал, где я, вокруг не было ни души. Возможно, мне нужно было вернуться. Идти обратно по той же дороге, вот и все. Но я, преодолев сомнения, постучал в дверь. Она тонко скрипнула, и через мгновение за ней показалась пожилая женщина.

Многое хотелось ей сказать, о многом спросить. Я бы сделал это, но она остановила меня жестом и пригласила в дом... Обстановка такая же, как во многих хантыйских жилищах, в которых мне удавалось побывать. Но в глаза

бросалась пустота, полностью заполнившая собой пространство. Был зажжен огонь в очаге, несмотря на дневное время. Неожиданно раздался глухой кашель. В дальнем углу, по правую сторону от меня, стояла мрачная женщина, у которой сложно было определить возраст. Она взглянула на меня усталыми глазами и, печально улыбнувшись, протянула покрывало...

Я, словно в забытьи, пробыл там несколько дней... Все это время мне подавали берестяные сосуды, в которых были растопленный олений жир и кусочки еды. Каждый день с утра несколько человек отодвигали стол, для чего – неясно. Я был для них совсем чужим, но они одели меня в лучшую, красивую, новую одежду и обувь, мыли меня в воде с порошком из березовой чаги. Доброжелательность и гостеприимство удивляли меня, и обращались они ко мне странно: «Радуга-вош».

Я мог провести там долгое время, но чувствовал, что время мое истекло – нужно было отправляться дальше. Меня посадили в лодку с отпиленными носом и кормой, края которой заделали досками. При прощании ко мне подошла девушка, с густыми черными волосами, на удивление, не заплетенными в косу. Она достала нож и отрезала прядь своих волос. Потом, взяв мою руку, вложила в нее маленький уголек*.

Тогда я еще ничего не знал: ни символов, ни обрядов, ни знаков... Я просто благодарил их и улыбался, и ничто не могло омрачить моего путешествия.

Я спускался в низовья Оби. Не знаю, сколько прошло времени, пока достиг другой реки – Аган. Берег ее густо зарос травой. Я долго шел по краю, изредка заходя в глубь леса, но каждый раз выходил обратно. Секунды растягивались в минуты, а минуты в часы.

В конце концов, я вышел к месту, которое скорее почувствовал, чем узнал.

С одной стороны был большой пустырь, поросший травой, с другой – хвойный лес. Я долго бродил по берегу, чтобы удостовериться, что здесь никого и ничего нет, кроме деревьев, травы, воды и песка.

А дальше меня ждал менкв**.

Я узнал его не сразу. Он лишь отчасти напоминал того, о ком в страхе рассказывали мне за долгими беседами у горящего очага. Огромный, с железным

телом и длинными ногтями, он казался совсем невидимым на фоне леса, но одновременно словно затмевал собой солнце. Он был воплощением ужаса и страха, сотканный из детских ночных кошмаров, лицо его было сплошь покрыто волосами, глаз не было видно совсем. Я через силу смотрел на него: сердце останавливалось, а кровь цепенела в жилах.

- Я знал, что ты идешь, - прошептал он, и голос его потонул в ветре. – Куль-Отыр уже получил список с твоим именем***.

- Не убивай меня, - сказал я менкву. - У меня еще осталось немного ягод, возьми их. Больше ничего нет. – Я вытащил несколько красных и иссиня-черных бусинок и протянул их.

- Они бесполезны для меня, - сказал менкв. – Этих ягод здесь в избытке. В них никакой ценности. Я чувствую, что у тебя есть что-то более значимое****.

С каждой минутой менкв становился все сильнее, оттого и опаснее. Он обнажил ряд зубов в оскале. От его дыхания исходил запах могильной земли и пожухлой листвы. В руке я крепко сжимал уголек, чувствуя его надежное тепло.

Но он, замахнувшись своей когтистой лапой и навалившись телом, убил меня. Когда я перестал дышать, он, как надевают на себя малицу, надел на себя мою жизнь. Отряхнувшись, пошел вперед, перекатывая в руке мои ягоды и ...уголек.

Но из моей души появился город с простым названием – Радужный. Там жили и живут по сей день сильные люди, пришедшие из разных территорий. Временами вдали, всегда у реки, они видят меня, странного человека, необычно одетого, но забывают в ту же секунду. Они проживают со мной свою жизнь, чувствуют биение моего сердца, которое дарует жизнь городу.

Я многое забыл... Знаю лишь, что кровь из вен моих окрасилась в черный, и теперь ее ежедневно берут люди, живущие здесь, для своей жизни.

Я есть начало, я есть время, я есть жизнь...

Примечания:

*Странные действия хантов – ритуал погребения.

**Менкв – великан-людоед.

***Как владыка мёртвых Куль-Отыр получает списки тех, кто должен умереть и в тот же день отправиться в загробный мир: на лодке он перевозит туда умерших.

****Здесь менкв намекает герою, что хочет забрать уголек, так как во время погребения умершему клали в кулак уголь, дабы он «не схватил живую душу».

- одной-двух пожилых женщин, которые накрывали умершего, а его имущество незаметно от окружающих выносили из дома
- обмывали водой с порошком из берёзовой чаги
- отрезали прядь волос
- надевали на умершего новую, лучшую одежду и обувь, всегда — зимний комплект
- лицо умершего покрывали «лицевым покрывалом»
- вокруг шеи покойника манси наматывали платок с монеткой, завязанной в его уголке, на руки надевали рукавицы, сшитые из ткани и без большого пальца, в кулак клали уголь
- умершего «угощали»: рядом с его ухом ставили специальный берестяной сосуд («сосуд уха»), в него клали 3-7 кусочков пищи
- у лодки отпиливали нос и корму, края заделывали досками